

12

№ 1-2 / N 933

XX 63

Т.
Коллекция
Библиотека
И. В. Лягуна

Мурзилка

ОГНЗ МОЛОДЕЖА ГВАРДИИ

ДЕКАБРЬ 1932

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Ал. Смирнов-Сибирский	— НЕОБЫКНОВЕННАЯ СКАЧКА	— Худ. Л. Голованов . . . 1
Е. Благинина	— ВЬЮГА	— Худ. М. Михаэлис . . . 7
С. Урнис	— КАРА-КУМ	— Худ. Б. Суханов . . . 10
Андриевская	— ЛЕВ И УБОРЩИЦА	— 19
Н. А. Некрасов	— МОРОЗ-КРАСНЫЙ НОС	— Худ. Л. Бруни . . . 20
М. Пришвин	— ЖУРКА	— Худ. Л. Голованов . . 22
Андриевская	— ЗАГАДКИ	— 23
М. Квенсен	— ЗАДАЧА	— Худ. А. Каневский . . 24
Н. Плавильщиков	— КАК ЖИВУТ ПТИЦЫ ЗИМОЙ	— Худ. С. Оболенский . 26
А. Абрамов	— ПО СНЕГУ	— Худ. К. Кузнецов . . 29
	— ПЕРЕПИСКА	—

Обложка ШМАРИНОВА

Рукописи и детские рисунки не возвращаются. Редакция.

РЕБЯТА!

Еще не все включились в обсуждение названия нашего журнала. Особенно мало активны ребята Сибири, Северного Кавказа и Средней Азии. Вот почему пришлось оставить журнал с прежним названием.

ДУМАЙТЕ СКОРЕЕ!

Не забудьте подписаться на журнал в 1934 году

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площ., 8/8. Тел. 56-77.

XV 63
11

НЕОБЫКНОВЕННАЯ СКАЧКА

НОВОСТЬ

XXXIII - 869

Старый Хайсула жил в самом дальнем ауле, в стороне от дороги, по которой ходили караваны верблюдов с товарами. Однажды семья Хайсулы сидела в юрте за низеньким столом и полдничала вареной бараниной. Вдруг снаружи залаяли собаки. Послышался топот лошадиных копыт, а минуту спустя в юрту вошел посторонний.

Это был Кодран, молодой пастух из соседнего аула. Разыскивая отбившихся от стада трех баранов, он завернул по пути к старому Хайсуле, чтобы глотком кумыса промочить рот.

— Здравствуйте, — проговорил он, входя в юрту, и приложил по обычаю к груди руку.

— Здравствуй, — ответили ему. — Руки и ноги здоровы?

— Здоровы.

— Скот здоров?

— Здоров. А у вас руки и ноги здоровы?

— Здоровы. А новости есть?

— Есть, — улыбнулся пастух, — нынче в степи много новостей.

— Садись, — оживились сидевшие за столом, давая место гостю. — Ешь баранину и рассказывай.

Кодран уселся, скрестив ноги, и стал рассказывать: в ауле у Большой дороги волки утащили двух баранов; в долине под Каменной горой высохли колодцы; старший пастух Керим захворал какой-то болезнью и третий день не выходил со стадом в степь.

— И еще вот что слышно, — сказал Кодран: — русские инженеры заканчивают работы, и скоро по железным полоскам побежит через степь железный верблюд.

— Железный верблюд?! — удивились все. — Ты видал его когда-нибудь?

— Видал, — кивнул головой Кодран. — В городе видал. Весь из железа. Глаза огненные, а из ноздри дым идет.

— Вот это чудо! И быстро бегают?

— Очень быстро бегают железный верблюд, а только Чолпан хочет его обогнать, — добавил он.

— Чолпан? Это у которого Алтын-Куш?

— Он самый.

— Будет обгонять железного верблюда?

— Так он сам сказал.

— Вот новость! Этот Чолпан всегда что-нибудь выдумает, — сказал старый Хайсула.

Пастух посидел еще немного и поехал разыскивать своих баранов. В степи при встречах он со всеми делился своими новостями. И вот полетело от аула к аулу, от пастбища к пастбищу:

— Через пять дней по степи побежит железный верблюд, и Чолпан, лихой казакский джигит, будет состязаться с железным верблюдом в скорости.

ЧОЛПАН И АЛТЫН-КУШ

Хотя Кодран и говорил, что железный верблюд бегают быстро, но быстрота бывает разная. Неуклюжий бык тоже может бежать быстро, если его хорошенько подстегнуть плеткой, а быка обгоняет самый захудалый конь. Что же удивительного в том, что Чолпан решил померяться с железным верблюдом? Железного верблюда видели немногие, но зато в степи не было человека, который не знал бы Чолпана. Не было в степи более лихого наездника, чем Чолпан.

— Кто быстрее всех приносит степные новости?

— Чолпан.

— Кто вышел победителем на скачках?

— Чолпан.

— Кому во время праздника достался за лихую езду козел?

— Чолпану.

Этой славой покрыл его Алтын-Куш, несравненный степной скакун. Алтын-Куш — значит золотая птица, и это имя было дано ему недаром. Уносясь во время скачек в степь, он скрывался из вида, как падающая с неба звезда. Много было в степи лихих скакунов, но ни один из них не мог сравниться с Алтын-Кушем. А на вид Алтын-Куш был совсем неказист. Низкорослый, рыжеватой масти, с длинной спутанной гривой, он не имел той поступи и стати, которая отличает кровного скакуна.

Чолпан добыл скакуна в Самалькульской степи; там и сейчас носятся табуны диких лошадей. Как ему удалось накинуть аркан на шею чуткого коня, Чолпан не рассказывал, но, вернувшись с добычей, целый месяц он лечил расшибленное плечо. Столько же времени он возился и с вывихнутой рукой, когда стал объезжать Алтын-Куша.

Конь долго не хотел признавать власти человека: кусался, опрокидывался на спину. В степи уже лежали глубокие снега, когда Чолпан в первый раз проехал на Алтын-Куше от аула к аулу. А следующей весной, после скачек, старый Эсенбай сказал Чолпану:

— Я дам тебе пятьдесят баранов, отдай мне своего скакуна.

Чолпан усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Мало? Возьми сто, — надбавил цену Эсенбай.

Опять покачал головой джигит.

— Тогда возьми сто пятьдесят да еще верблюда в придачу.

— Оставь их себе, — проговорил Чолпан. — Если ты мне предложишь еще столько, то и тогда я не отдам тебе Алтын-Куша.

Так ценил Чолпан своего скакуна. Ни за какую цену не хотел продавать, хотя сам был бедняком. И вот теперь этому несравненно-му скакуну предстояло померяться в быстроте бега с железным верблюдом, которого инженеры должны были пустить по железным полоскам. Живой верблюд тяжел и неповоротлив; неужели железный быстрее Алтын-Куша, золотой птицы? Все с нетерпением ждали дня, когда должна была состояться необычайная скачка.

ПРАЗДНИК В СТЕПИ

После выпавшего накануне дождя степь принарядилась: низины зазеленели травой, а подножья холмов оделись пестрыми цветами. Но еще более расцвела степь от ярких цветных халатов, двинувшихся в это утро от аулов к станции, откуда должен был начать бег невиданный железный верблюд.

Но, может быть, Чолпан откажется от своей затеи? Кто-то из побывавших в городе сказал, что железный верблюд хотя и очень тяжел, но бегаёт шибко, очень шибко.

— Брось, джигит, — говорили Чолпану осторожные, — смотри, грязи не наешься.

Наестся грязи — это значит сгореть со стыда. Но Чолпан был слишком уверен в Алтын-Куше. Как всегда перед скачками, он откормил скакуна пшеницей, вымоченной в кобыльем молоке. И сейчас, когда открылось празднество, Чолпан стоял рядом со своим конем, положив руку ему на холку. Джигит внимательно слушал то, что говорил, стоя на красном помосте, русский большебек — большевик.

Человек на помосте разъяснял казакскому народу, для чего инженеры выстроили в степи железную дорогу. Он говорил, что теперь не надо казакам тратить месяцы на поездки в город и гонять верблюдов под товаром. Товары и людей будет возить верблюд железный; от этого товары станут дешевле, и казакам будет легче жить.

— Вот он, железный верблюд, — показал большевик на новенький паровоз, украшенный красными флагами. — Он очень сильный и будет таскать за собой большие вагоны, нагруженные товарами. Но сейчас он побежит один, чтобы узнать, хорошо ли проложили для него дорогу. Кто хочет прокатиться на железном верблюде?

Ехать на железном чудовище согласились немногие.

Стрельнув из трубы дымом, паровоз пронзительно крикнул. Алтын-Куш вздрогнул и повел черным глазом. И вдруг весь напряжился, почувствовав в стремени ногу. Еще миг — и сорвался с места.

— Хорошо, хорошо! — понеслось из толпы. И нельзя было определить, к которому из скакунов относилось одобрение. Оба они хороши. Один, с огнем и дымом, катился по рельсам; другой, подобно вихрю, пластался по пушистому ковру степного ковыля...

НЕОБЫКНОВЕННАЯ СКАЧКА

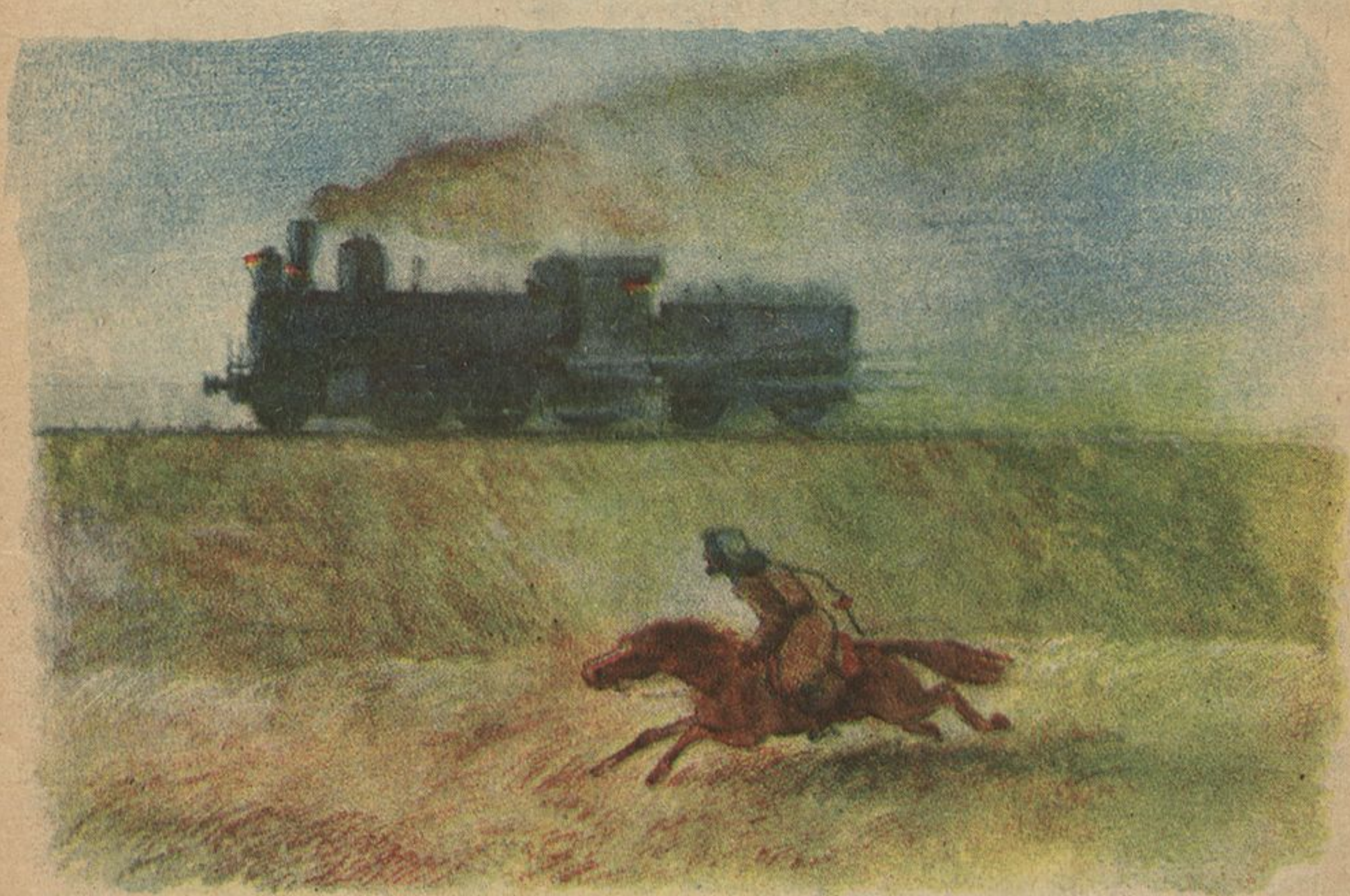
Станция у Трех колодцев являлась концом состязания. До нее было двенадцать километров. Группы всадников стояли вдоль линии, чтобы следить за состязанием.

На первых двух километрах Алтын-Куш немного опередил своего железного соперника. Как опытный наездник, Чолпан понял, что железный верблюд хитрит, приберегая свои силы под конец пути. Джигит тоже стал сдерживать скакуна и дал догнать себя паровозу.

Пошли голова в голову. Люди с паровоза что-то кричали Чолпану, махали шапками, но тот их не слушал. Все его внимание было сосредоточено на круглых ногах железного верблюда. Учащались обороты колес — Чолпан давал повод коню, и сдерживал его, когда железный верблюд уменьшал скорость своего бега. Паровоз словно дразнил: то скорей, то тише. Но вот, участив громкое дыханье, железный верблюд стал быстро набирать скорость. А это было по душе степному джигиту.

Распластался Алтын-Куш, вытянулся в нитку. Засвистал у Чолпана в ушах ветер. Сухой и легкий, развевая гриву, конь летел птицей. Канавы, рывины, камни — все было ему нипочем. А железный верблюд пыхтит все чаще и чаще. Неужели устал? Э, нет, тут что-то другое. Чем чаще пыхтенье, тем чаще крутит он колесами.

Вот он опередил Алтын-Куша. Алтын-Куш чернеет от пота, крутая холка мылится, а ветер рвет с удил белые клочья пены.

— Ничего, Алтын-Куш, — шепчет джигит, сжимая коленями бока коню, — быстрее тебя в степи никого нет. Сейчас мы опять поравняемся...

Но что это? Выбрасывая клубы черного дыма, железный верблюд начинает быстро убегать вперед.

И вот когда паровоз был уже далеко впереди, Алтын-Куш споткнулся о корень саксаула. Дальше ему надо было перепрыгнуть неширокую канаву. Скакун замедлил свой бег. Чолпан поднял нагайку и ударил коня. Взвился Алтын-Куш от боли и обиды, красивым прыжком взял препятствие и, как подстреленный сокол, рухнул вниз.

Кто из них, скакун или всадник, был первый на земле — сказать трудно: при таком разгоне удержаться в седле невозможно. С минуту лежал Чолпан, не шевелясь, точно мертвый. Затем поднялся и посмотрел в ту сторону, куда убегал паровоз. О, его уже не было видно, только черный дым стлался по горизонту.

Посмотрел Чолпан на дым, затем повернулся к коню. Он лежал, тяжело дыша. Мелкая дрожь пробегала по его телу, пена на удилах мешалась с кровью. Чолпан сделал шаг. Посмотрел в затуманенные глаза Алтын-Куша, достал из кобуры старый револьвер, которым оберегал стада от волков, и вложил дуло в ухо умирающему коню. Затем отвернулся и выстрелил.

Алтын-Куш дернулся и застыл.

Если вам придется ехать по железной дороге Казакской степью, то неподалеку от станции Три колодца вы увидите в стороне груду камней. Это могила Алтын-Куша, несравненного скакуна. А если вы разговоритесь об этом деле с казаками, то они расскажут вам и окончание этой истории.

Чолпану не пришлось после этого гореть от стыда, потому что не такой он был человек, чтобы признать себя побежденным. Знаете, что он сказал после того, как зарыл своего Алтын-Куша?

— Алтын Куша теперь нет, а все-таки у меня будет скакун быстрее всех, — сказал Чолпан и через несколько дней отправился на железнодорожную станцию. Здесь он обратился к человеку в красной шапке и попросил взять его, Чолпана, на работу. Это было два года назад. Два года Чолпан кормил углем железного верблюда и изучал его устройство, а теперь у него опять скакун, равного которому нет у казаков в степи.

Джигит Чолпан оседлал железного верблюда. Он сделался машинистом.

Ал. Смирнов-Сибирский

ВЬЮГА

Кто шагает с тучей вровень,
через дом перемахнул?
Кто рванул железо с кровель
и ворота распахнул?
Кто завыл в дверные щелки,
загудел на чердаках?
Почему взлетел, защелкал,
замелькал над школой флаг?
Кто загнал в нору зверюгу,
птиц запрятал между стрех?..
Это вьюга, вьюга, вьюга,
это ветер, это снег!

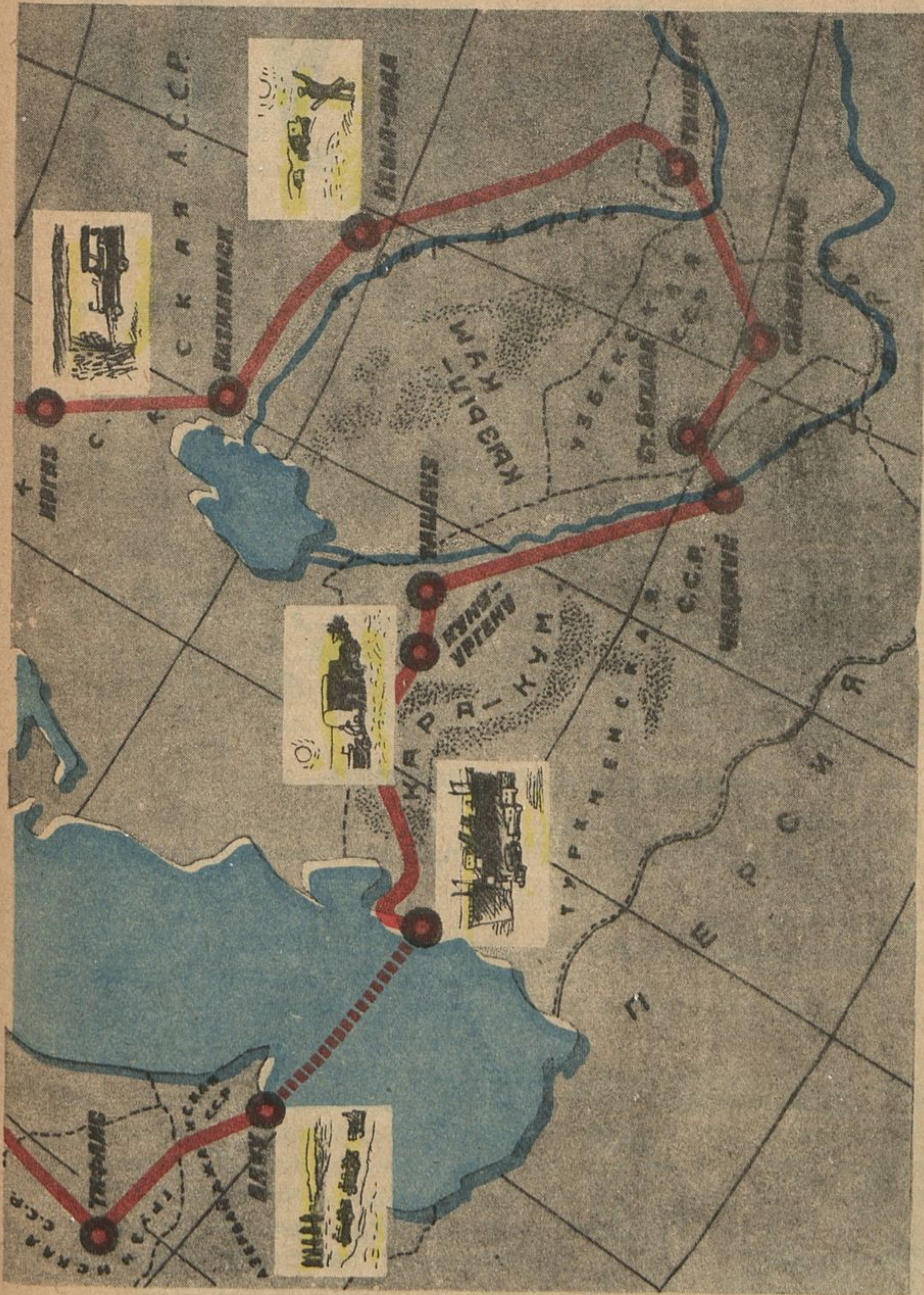
Встает студеною стеной
и крепнет ветер ледяной.
Он шиплет ноги, жжет лицо,
несется с плачем на крыльцо;

швыряет в стороны и вверх
шипящий снежный фейерверк
и мчится дальше, напролом,
свистя расправленным крылом.
Он рвет, как нитки, провода,
в степи заносит поезда.
Колеса стынют на бегу,
а паровоз кричит в пургу:
—Я дальше ехать не могу,
я не могу...
Пурга визжит,
хохочет, бесится, кружит
и, снегом по полю пыля,
ложится шубой на поля.
Ложится шубой на поля,
чтобы не вымерзла земля.
и чтоб, когда придет тепло,
зерно озимое взошло.

Е. Благинина

ПРОСЛЕДИ ПО КАРТЕ,
КАК ПРОЕХАЛИ НАШИ
МАШИНЫ ЧЕРЕЗ ПУСТЫ-
НЮ КАРА-КУМ.

МОСКОВСКАЯ
 МИНИСТЕРСТВО
 ВНЕШНИХ
 ДЕЛ

КАРА-КУМ

Это было летом.

Я и мой племянник Алеша разложили на полу громадную географическую карту СССР.

В руках у Алеши толстый синий карандаш.

— Найди Москву.

Алеша нашел Москву.

— Обведи ее кружком. Вот из этой точки через два дня мы выедем из Парка культуры и отдыха в трехмесячное путешествие на автомобилях.

Мы поедем через город Горький и Самару в эту сторону, а вернемся — смотри на карту! — отсюда, со стороны Харькова. Путешествовать будем вместе: я — на автомобиле, а ты — по карте. Сделай красные флажки на булавках, отмечай наш путь. Где мы будем находиться, узнаешь из моих писем и из газет. Я буду тебе писать. Первый флажок воткни в Москву.

Сейчас будет команда

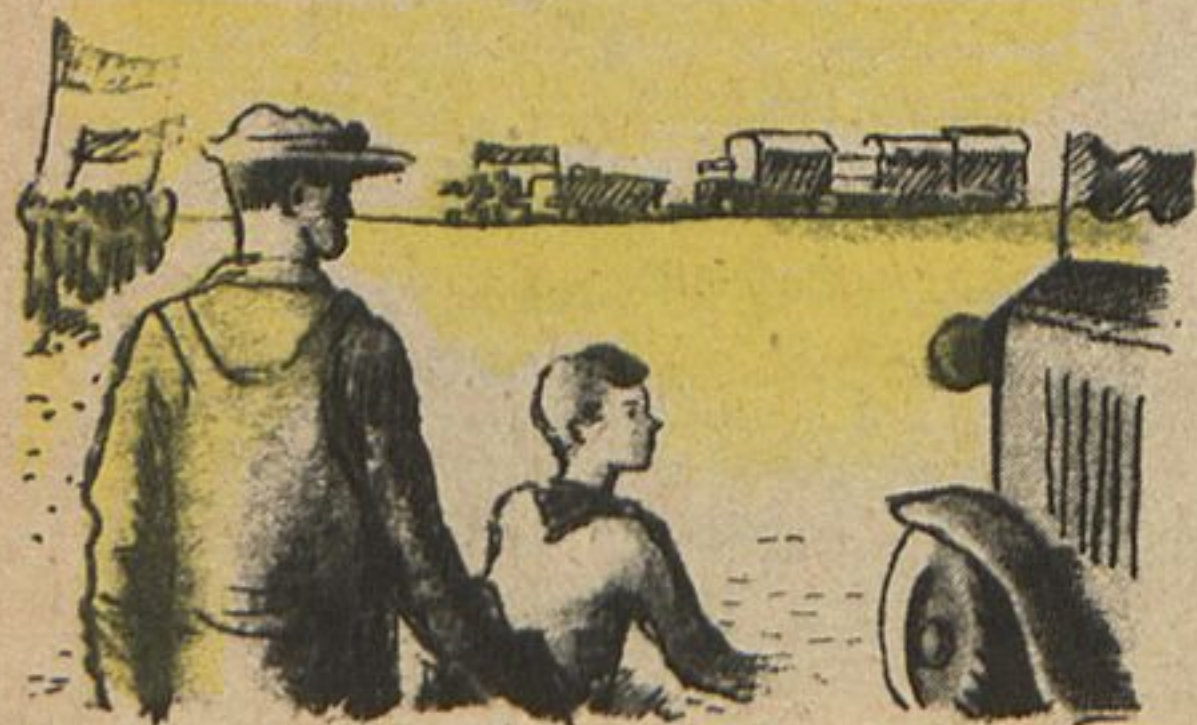
6 ИЮЛЯ 1933 ГОДА, в 3 часа дня, на площадь Парка культуры и отдыха вышел вице-командор пробега товарищ Катушкин и крикнул:

— Заводи моторы!

Сразу заработали моторы 23 автомобилей. Стоял такой гул, будто громадный самолет летал над самой землей.

Меня провожал Алеша. Мы еще раз осмотрели машины.

20 автомобилей были сделаны из советских материалов, советскими людьми, на советских заводах; три, с номерами 12, 13, 14 — иностранные, их делали в Америке, на заводе Форд-Тимкен.

Товарищ Катушкин строго посмотрел на ряд автомобилей и совсем громко закричал:

— По машинам!

Все бросились на свои места.

Кинооператор Эдуард Тиссе побежал к машине № 1. На ней был установлен киноаппарат. Тиссе будет весь путь снимать на киноленту. Рядом с Тиссе сел командор пробега товарищ Мирецкий. Он будет руководить всем пробегом. В машину № 13 влез Босняцкий.

Карандаши острые у Босняцкого из всех карманов торчали, как иглы у ежа.

Босняцкий будет писать о пробеге телеграммы во все газеты.

Повар, дядя Володя, поцеловался с женой и, кряхтя, полез в машину № 11. Это хозяйственная машина. На ней едут продукты для участников пробега. Хлеб, мясные консервы, молочные консервы, фруктовые консервы, сахар, соль, макароны, крупа, чугунные котлы, для варки обеда на сто человек. Это наша кухня на колесах.

А товарищ Катушкин побежал к своей, 23-й машине, на ходу крикнул: „Первая“!

Оркестр заиграл марш. Машины гуськом пошли к выходу. В воздух полетели шляпы, кепки, платки. Это провожали нас рабочие, работницы, инженеры, сделавшие наши автомобили.

— Алеша, послезавтра утром воткни флажок в Горький! — закричал я.

— Черепаху не забудь, черепаху! — закричал Алеша.

Первое письмо

10 ИЮЛЯ 1933 Г. ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На рассвете передовые машины вдруг въехали в садовую аллею. Вся колонна остановилась.

Самый молодой шофер, Сережа Захаров, нажал гудок и весело крикнул:

— Докатались! В чей-то сад заехали!

Навстречу машинам бежали люди с красными флагами и плакатами. Колхозник влез в нашу машину и сказал:

— Это не сад, а самая главная дорога. Она соединяет границу нашей республики с нашим главным городом Чебоксарами. Мы сами делали дорогу. Чинили ее к вашему приезду...

Машины шли на четвертой скорости. Как по асфальту. Быстрее ехать нельзя. У небольшого моста машины остановили две

бригады чувашских колхозников. Они были с топорами, лопатами, граблями. Впереди стоял дед с бородой, как снег.

— Здравствуйте, товарищи шоферы, — сказал дед Серебряный. — Мне девяносто два года. Только что кончили работу. Мы чинили дорогу и вот этот мостик для ваших машин. Я сто шестьдесят два раза ездил на своей лошади к дороге и обратно.

Из четвертой машины вылез профессор Ветчинкин. Он потоптал по дороге ногой. Ковырнул ее лопатой. Лопата не вошла в землю. Ветчинкин подошел к деду Серебряному.

— Я объехал весь мир. Мне знакомы лучшие дороги земного шара. Самые хорошие дороги я видел в Германии. Но ваши дороги не уступают немецким, — сказал профессор.

Михаил Петрович Мухин

14 ИЮЛЯ 1933 Г.

В Самаре к машине подбежал мальчик, бросил нам записку и крикнул: „Приглашаю вас!“

Записка угодила в ведро с жидким маслом. С большим трудом мы прочли:

„Я, Михаил Петрович Мухин, чистильщик, приглашаю вас всех на бесплатную чистку сапог желтого и черного цвета очень хорошей мазью (ваксой). Потрудитесь быть в 6 часов вечера у главного входа в гостиницу. Здесь же я вам задам вопросы.

Михаил Мухин“

Мы пришли в назначенное время. Михаил Мухин открыл банку с мазью и стукнул о ящик щеткой.

— Пожалуйста!

Миша долго расспрашивал о наших машинах. Шофер Соловьев подставил сапог и рассказал Мише, зачем нужен пробег.

— В первой пятилетке мы построили два автомобильных завода: один имени товарища Сталина, в Москве, другой — имени

товарища Молотова, в Горьком. Мы не знаем, хорошие ли машины делают заводы, по всяким дорогам могут ли они ездить, выносливы ли моторы и шины.

Автомобили должны за 86 дней проехать 10 тысяч километров по всяким дорогам. И просто без дорог. Прямо по пустыне! Прямо по степям! Прямо по пескам! Проедут — значит советские автомобили не хуже заграничных.

— Смотрите, трудно вам придется. Я бы не поехал. Когда будет вам плохо, вспомните тогда Михаила Петровича Мухина. Мы весело рассмеялись.

Ребята с фонарем

16 ИЮЛЯ 1933 Г.

Пишу на машине.

К утру должны быть в Бузулуке.

Колонна автомобилей с зажженными фонарями похожа на длинного светящегося червя. Червь то вползает на гору, то круто поворачивает в сторону, то пропадает в овраге. От света в машине ночь кажется еще черней.

Вдруг далеко-далеко впереди мелькнули яркие огоньки. Потом пропали за поворотом. Потом опять мелькнули.

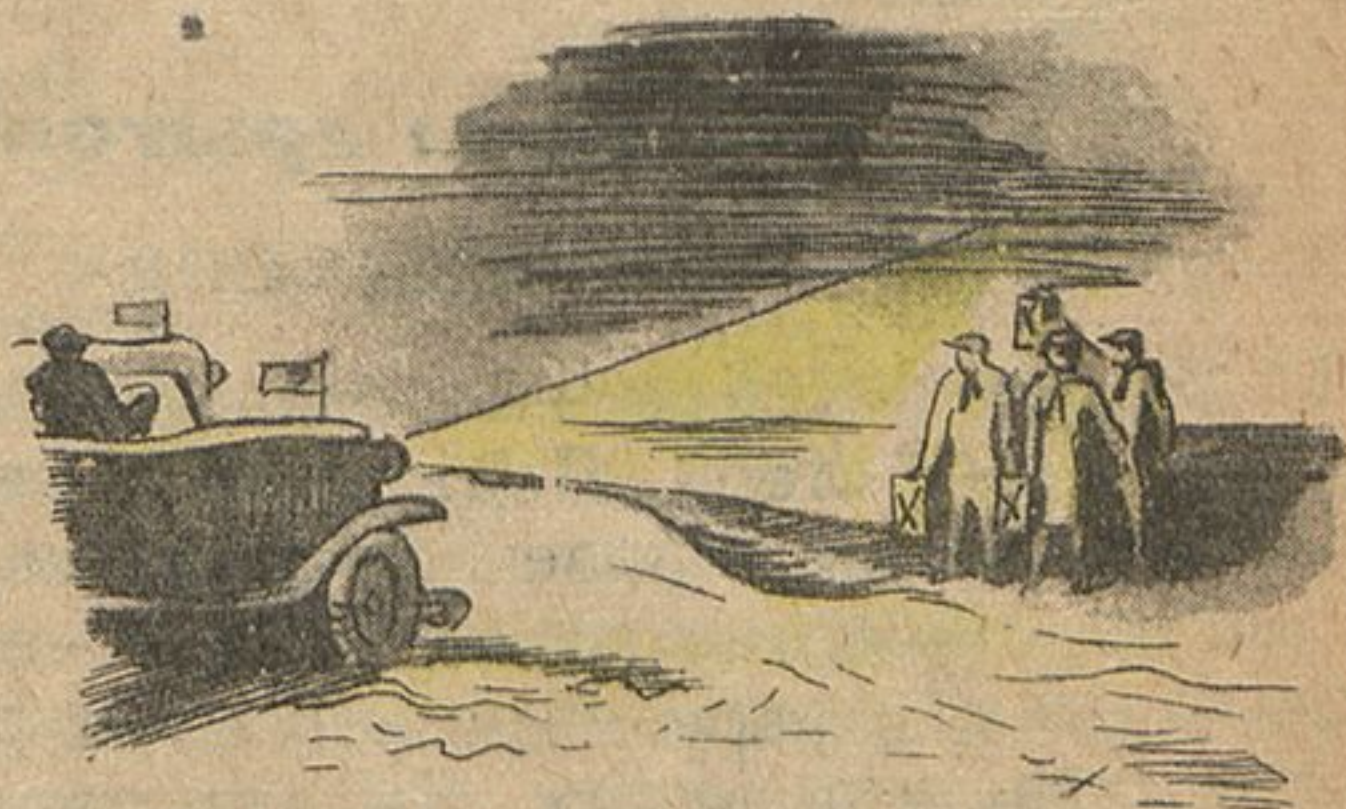
„Наверное, волчьи глаза, — решил я. — По ночам они светятся.

Подъезжаем ближе. Уже первые машины поравнялись со светом.

— Смотрим, группа ребят с фонарями соседнего колхозного отряда.

— Обрыв здесь, обрыв! Не свалитесь! — кричали ребята.

Ребята целую ночь ждали нас, чтоб предупредить об опасности.

Воздухоочистители

18 ИЮЛЯ 1933 Г. ОРЕНБУРГ.

Помнишь, Алеша, ты спрашивал: зачем я беру синие очки? Они здоровогодились. Здесь, в казахстанских степях, очень яркое солнце. Глазам больно смотреть даже на землю. Слепит, и текут слезы. Особенно это опасно, когда сидишь у руля. Днем мы все в очках.

Как только мы выехали из Оренбурга, начались страшно пыльные дороги. Лица стали серы, как брезент. В некоторых местах ноги проваливались в пыль чуть не по колена. Из-за пыли собственной руки не видать. Дышать носом невозможно. Ноздри забивает наглухо.

Вот пишу тебе и все не могу откашляться.

Трудно приходится и моторам автомобилей. Если бы не воздухоочистители, половина моторов наверно погибла бы.

Эти воздухоочистители глотают пыль килограммами.

Ну, будь здоров.

Из Кара-Кум обязательно привезу черепаху.

Отвечай по адресу: Кара-кумский автопробег. Машина № 13, С. В. Урнис.

Машины прыгали по кочкам

25 ИЮЛЯ 1933 Г. КЗЫЛ-ОРДА.

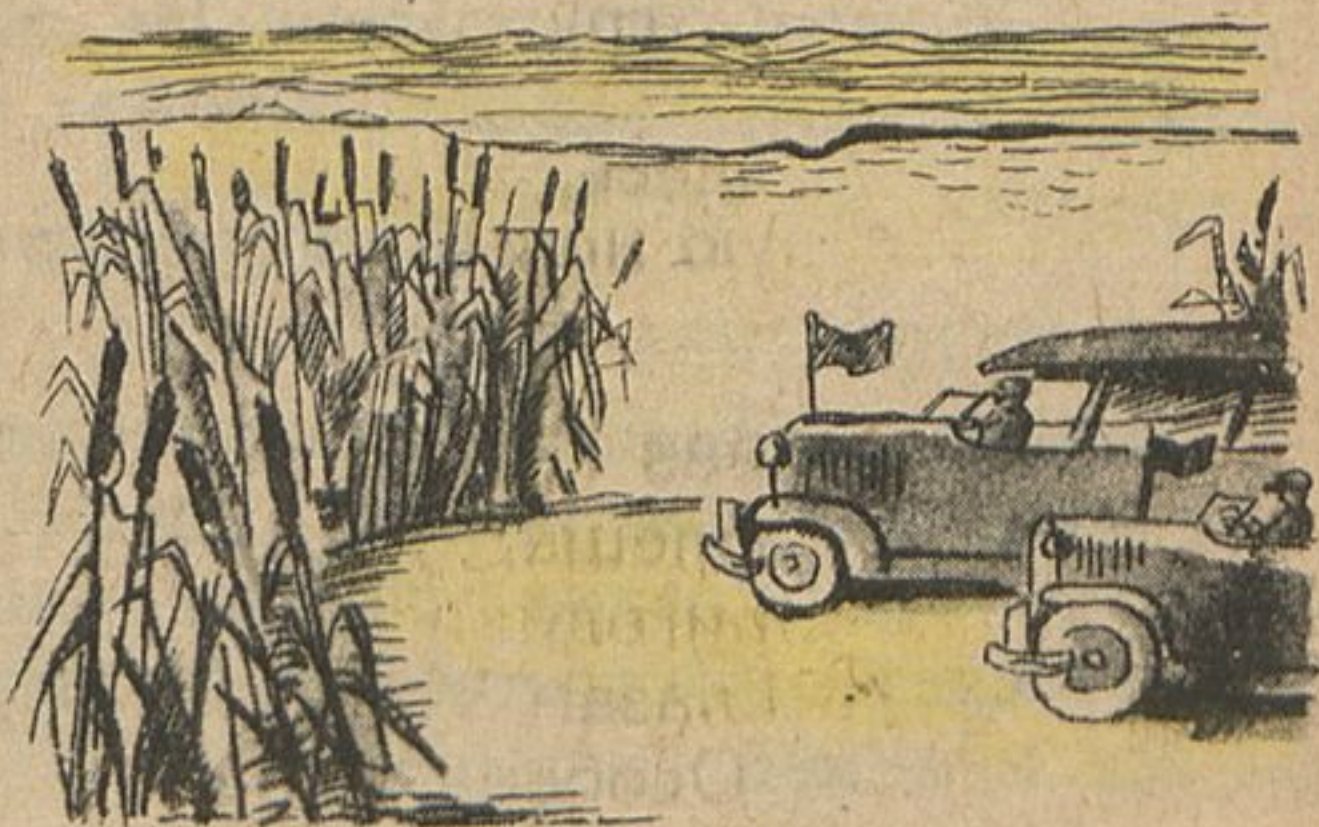
Решили сократить дорогу. Свернули в сторону и поехали прямо через степь. Подъехали к реке Сыр-Дарья. На берегу растут камыши в два человеческих роста. Ничего кругом не видать.

Одну машину послали на разведку. Прошло часа два. Время уже идет к вечеру. Наконец приехали разведчики.

— Нашли дорогу. Километров пятнадцать отсюда.

Из камышей выбирались по узенькой, ишачьей тропе. Началась степь, покрытая громадными кочками. Кочки сидят близко друг к другу. Машине между ними не пройти. Пришлось ехать напрямик. Двенадцать километров ехали почти три часа. Машины, как акробаты, прыгали с кочки на кочку. Мы боялись, что лопнут ресоры или оси.

Поздно вечером выбрались на правильную дорогу. Осмотрели машины. Все были целы. Ни одной поломки!

Пить!

30 ИЮЛЯ 1933 Г. ИРГИЗ-АРАЛЬСК.

Недалеко от Аральского моря застряла в песке машина № 19. Мы подложили под колеса доски, подперли кузов плечами и с трудом вывели машину из песчаной ямы. На песке осталась доска. Я повернулся ее взять. Шофер думал, что я влез в кузов, и машина ушла. Я закричал и побежал за машиной. Ноги вязли в песке.

Шофер не слышал меня из-за шума мотора. Машина, тяжело перевалив через песчаный холм, скрылась из виду.

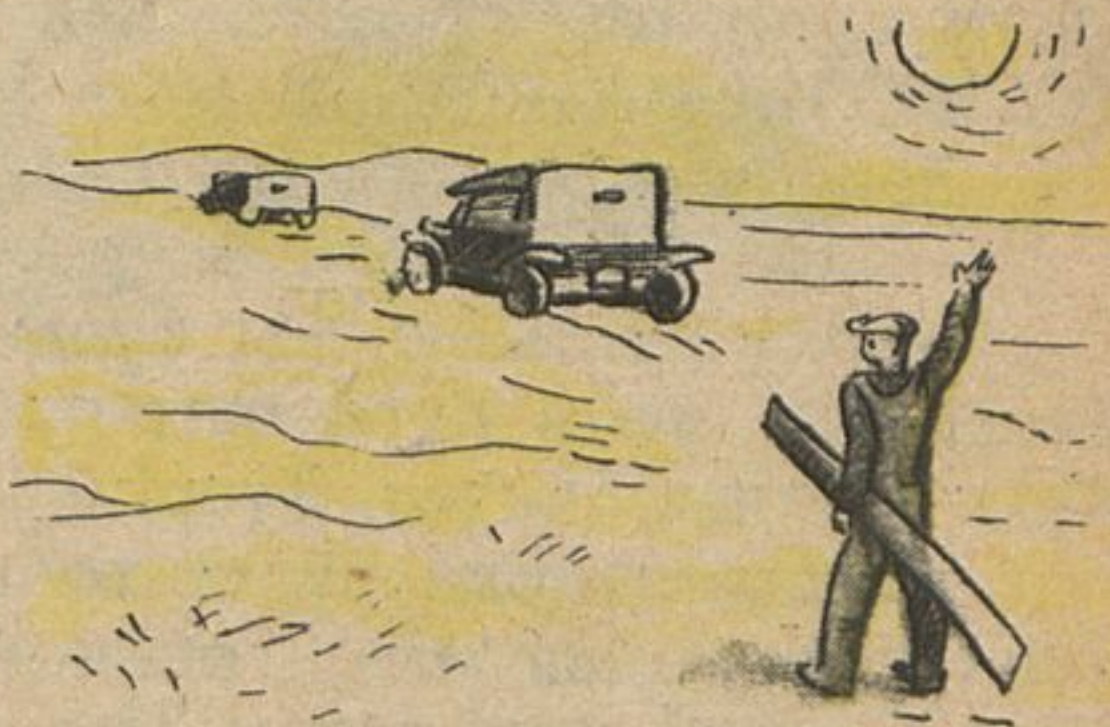
Я остался в песках один. Солнце жгло. Я чувствовал себя, как таракан на горячей плите. Хотелось пить. Воды с собой не было. Язык и губы стали сухими, как старые хлебные корки. По солнцу я видел, что прошло более часа.

Где бы напиться? Я стал искать воду. Мне показалось, как будто течет ручеек. Я бросился к кусту. Под кустом был песок, горячий и сухой, как пепел в печке.

Что делать? Я знал, что сзади осталась еще машина № 20. Прошел час, а машины не видно.

И только через два часа, когда солнце совсем сожгло и во рту стало сухо, как в горячей печке, показалась машина № 20.

Оказывается, у них всю дорогу кипел радиатор. Ехать было нельзя. Приходилось останавливаться. Всю свою питьевую воду пассажиры машины № 20 вылили в радиатор. Больше воды не было. Я напился только через пять часов, когда догнали всю колонну. С тех пор фляжку с водой я всегда носил с собою.

Профессор варит компот

20 АВГУСТА 1933 Г. КУНЯ-УРГЕНЧ.

На рассвете с реки Аму-Дарьи пришел мокрый туман. Он переполз через высокую глиняную стену старой городской крепости и улегся на крыши автомобилей. Было очень холодно. Шоферы работали в тумане у машин, в ватных штанах и тужурках. Старый ученый Владимир Владимирович Цинзерлинг, недавно примкнувший к нам, развел костер и готовил себе завтрак. Он сделал из

консервной банки ведерочко с проволочной ручкой и пристроил его на железном прутике над головешками.

В ведерке варился компот из вишневых консервов.

Шоферы собрались у костра.

— Мы в последнем городе перед пустыней, — сказал Владимир Владимирович. — Через несколько часов мы поедем через Кара-Кум. Это самая большая песчаная пустыня в мире.

Кара-Кум на туркменском языке означает — злые, черные пески. Очень правильно назвали туркмены свою пустыню: злые пески...

Речь о воде

Утром у машин выгрузили штук сто боченков с водой. Они были длинные и узкие, как бутылки, и занимали мало места в кузове. Командир назначил специального заведующего водой.

Заведующий прыгнул на боченок и закричал:

— Все сюда! Сейчас расскажу про воду.

Через пустыню мы будем ехать тринадцать суток. Если не заблудимся, то в пути встретим всего пять колодцев: Дяхчи, Узун-Кую, Дохлы, Чагыл, Туар!

Хорошая вода будет только в Чагыле. В остальных колодцах вода протухшая или горько-соленая. Пить ее нельзя. Этой воды нам должно хватить до Чагыла. Значит, на шесть дней. Все слышали? На шесть дней! На сто человек! Всем придется много работать на жаре. Значит, будем много пить. По песку машинам будет идти трудно. Груза возьмем как можно меньше. Потому и воды возьмем только по два литра на человека. Пить чай, обед варить, мыться, зубы чистить, — на все два литра!

Заведующим водой на нашей машине выбрали меня.

Шофер дал мне резиновую трубку и мерку для воды — литровую бутылку, чтобы наливать воду из боченка в бутылку.

Телеграмма Босняцкого

У потухающего костра сидел Босняцкий и писал телеграмму во все газеты.

„Москва. ТАСС.

Куны-Ургенч — последний город перед Кара-Кум тчк
Через две минуты колонна автомобилей выезжает в пустыню тчк
Все машины осмотрены технической комиссией тчк
Автомобили точно новые тчк А ведь они проехали почти пять с половиной тысяч километров тчк
Люди прошли строгий медицинский осмотр тчк
Все здоровы настроение бодрое тчк
Кончаю писать тчк Отдана команда заводить моторы садиться по машинам тчк Босняцкий тчк“

(тчк—так пишется в телеграмме слово ТОЧКА)

Кара-Кум

23 АВГУСТА 1933 г. ДЕХЧИ.

Это был очень трудный день. Сначала забуксовала в песке машина № 6. Колеса вертелись, рыли ямы, машины рычали, но с места тронуться не могли. Сразу же завязли остальные тяжелые машины. Мы остановились. Наступила ночь.

— Давай, давай! Поднавались!—кричали шоферы.

Ни одна машина не трогалась. Мы бились около нашей машины полтора часа. И за полтора часа удалось проехать шагов двадцать.

— Больше не могу!—крикнул Босняцкий голосом, охрипшим от жажды и усталости.

Он сел на песок и крепко заснул. И тогда из темноты выскочил главный шофер Эхт.

— Бросай возню! Все к шестой машине!—закричал Эхт.

Проваливаясь в песке, люди побежали к Эхту.

— Подложите доски! Обнимите машину! Все! Все! Заводи мотор! Дружно, взяли!

Люди разом навалились, машина задрожала и рванулась и рыбкой выскочила из песчаной ямы.

— Не отпускать! Не отпускать! Давай! Давай!..

Шестую машину вытащили на твердое место.

На рассвете наши лица от усталости стали зелеными. Из песка была вытащена последняя машина.

Впереди оставался еще один, такой же трудный подъем.

Вечером Эхт объявил:

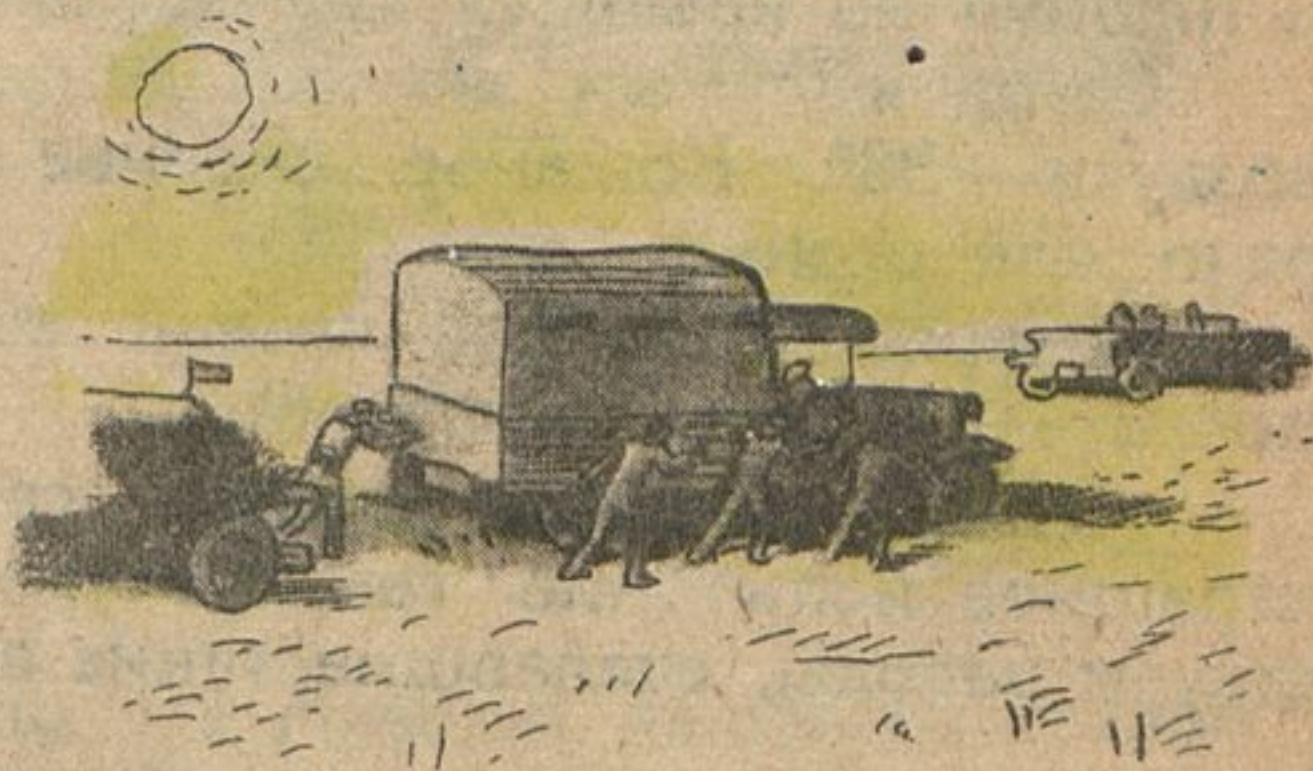
— Оба подъема были меньше километра, а отняли у нас семнадцать часов.

Колодец Дохлы

26 АВГУСТА 1933 г.

Откуда у человека столько пота? Он течет из тела, как из губки. Сегодня на пути от колодца Дохлы к колодцу Чагыл встретились самые провалистые пески. Вязли все тяжелые машины.

Под колеса подкладывали доски. Чуть повернешься—пот градом. Толкнешь машину—пот градом. Пробежишь несколько шагов с доской—пот, пот, пот...

У профессора Цинзерлинга от пота промокли брезентовые сапоги. Они были такие мокрые, как будто по лужам ходил.

Мы остановились. Разостлали брезент. Сесть на него было невозможно: печет, как печка.

Подошел толстый шофер Илойнес. Потряс над брезентом голой рукой. Посыпались крупные, как дождь, капли пота.

Илойнес подошел к своей машине—посмотреть на мотор. Взялся за ручку крышки и отскочил в сторону: обжегся. Выругался и плюнул на крышку. Слюна закипела, как на горячем утюге.

Сегодня самый жаркий день за весь наш путь. Температура воздуха—38°. Кожаное сиденье шофера на машине № 20 горячо, как огонь.

Вечером командир созвал всех корреспондентов и попросил послать в газеты телеграммы:

„Шины советских заводов сегодня вынесли самое тяжелое и страшное испытание. Температура песка доходила до 72°. Приветствуем заводы, сделавшие такие великолепные шины!“

Вот она, черепаха!

28 АВГУСТА 1933 Г.

У самого колодца Чагыл я с машины заметил черепаху, спрыгнул на ходу и побежал к ней.

Это была совсем маленькая черепаха с гладкой, как новенький гребешок, спинкой.

Она удивленно посмотрела на меня. Затем по-старушечьи зевнула и спрятала голову под панцырь.

Я бросил в походную сумку несколько веток саксаула и посадил туда черепаху. Там она и жила до Москвы.

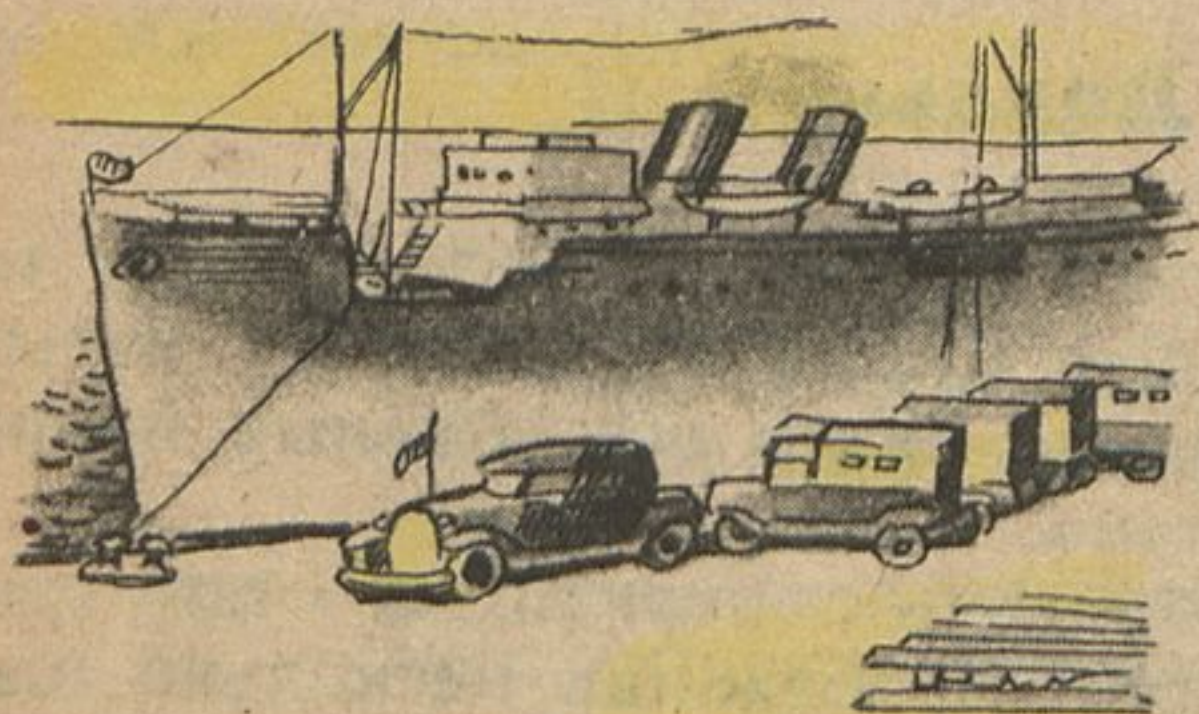
Автомобили приехали к морю

29 АВГУСТА 1933 г.

Мы—в Красноводске.

Корреспонденты, командор Мирецкий и Эхт побежали в отдельную комнату писать телеграмму товарищу Сталину и товарищу Молотову:

„По плану через пустыню должны были ехать тринадцать

суток, а ехали только шесть с половиной. Пески были неприступной крепостью. Советские автомобили прошли по пескам без единой поломки. Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!"

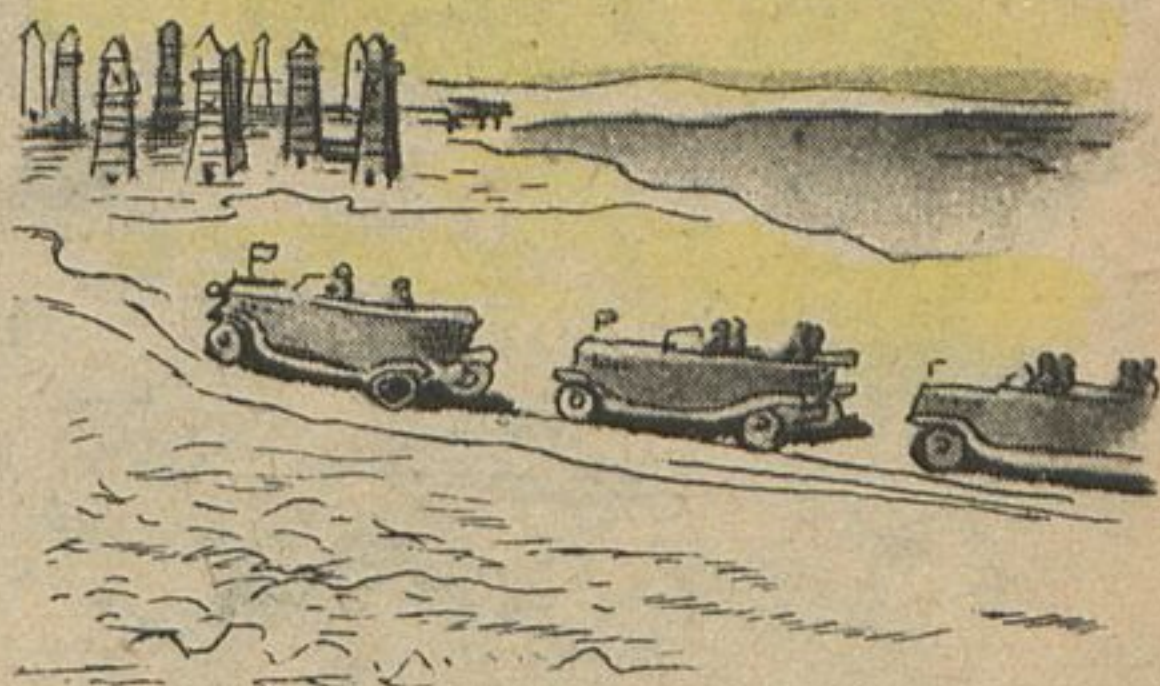
Скоро мы будем в Москве

31 АВГУСТА 1933 Г.

Сегодня машины и люди погрузятся на морские пароходы „Орленок“ и „Москва“. Поедем в Баку. Впереди совсем легкий путь. Через месяц будем в Москве.

Поспеваешь ли ты путешествовать по карте? Хватило ли у тебя флажков?

Будь здоров. Тебе кланяется черепаха.

30 СЕНТЯБРЯ 1933 Г. Вечером я с Алешей сидел за столом и рассматривал громадную карту СССР с красными флажками.

В корзиночке на свежей травяной подстилке дремала уставшая за долгий путь черепаха.

Алеша внимательно посмотрел на свою карту.

— Вы ехали по кольцу! — закричал Алеша.

Алеша был прав. Мы ехали по кольцу.

С. Урнис

ЛЕВ И УБОРЩИЦА

(басня)

УБОРЩИЦА, ЗА ЧИСТЫЙ КЛАСС БОРЯСЬ,
ИЗ ШКОЛЫ ВЫВОДИЛА ГРЯЗЬ.

ЗДЕСЬ МОЕТ, ТАМ МЕТЕТ... ТУТ ЛОСК НАВОДИТ МЕЛОМ.

КЛАСС СТАЛ КАК СТЕКЛЫШКО—ВЕСЕЛЫМ, ЧИСТЫМ, БЕЛЫМ.

ЗАМЕТИЛ ЭТО, КЛЯКСИН ЛЕВ

И ГОВОРIT, ПОВЕСЕЛЕВ:

— ВОТ КЛАД—УБОРЩИЦА! ВОТ ДЕРЖИТ ВСЕ В ПОРЯДКЕ!
ЧТО, ЕСЛИ БЫ ЕЕ ПУСТИТЬ В МОИ ТЕТРАДКИ?

М. Андриевская

СТИХИ Н. А. НЕКРАСОВА

Не ветер бушует над бором,
не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
обходит владенья свои.
Глядит — хорошо ли метели
лесные тропы занесли,
и нет ли где трещины, щели,
и нет ли где голой земли;

МОРОЗ—КРАСНЫЙ НОС

пушисты ли сосен вершины,
красив ли узор на дубах,
и крепко ли скованы льдины
в великих и малых водах.
Идет — по деревьям шагает,
трещит по замерзлой воде,
и яркое солнце играет
в косматой его бороде.

ЖУРКА

Рассказ егеря

Раз было у нас — поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он ее проглотил. Дали другую — проглотил; третью, четвертую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

— Умница, — сказала моя жена и спросила меня: — А сколько он может съесть их? Десять может?

— Десять, — говорю, — может.

— А ежели двадцать?

— Двадцать, — говорю, — едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить — и Журка с ней; она в огород — и Журке там надо, и тоже на полевые, колхозные работы ходит и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребенку, и без него ей уж скучно, без него никуда.

Но только ежели случится — нет его, крикнет только одно: „Фру-фру!“ — и он к ней бежит. Такой умница!

Так живет у нас журавль, а подрезанные крылья его все растут и растут.

Раз пошла жена за водой, вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у

колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула — и за ним: мах-мах руками, а подняться не может — и в слезы, и к нам: „Ах, ах, горе какое! Ах, ах!..“ Мы все прибежали к колодцу, Видим — Журка далеко, на середине нашего болота, сидит.

— Фру-фру! — кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат: „Фру-фру!..“

И такой умница! Как только услышал он это наше „фру-фру“, сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам скорее бежать за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять — проглотил, дали десять — проглотил, и двадцать, и тридцать; да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

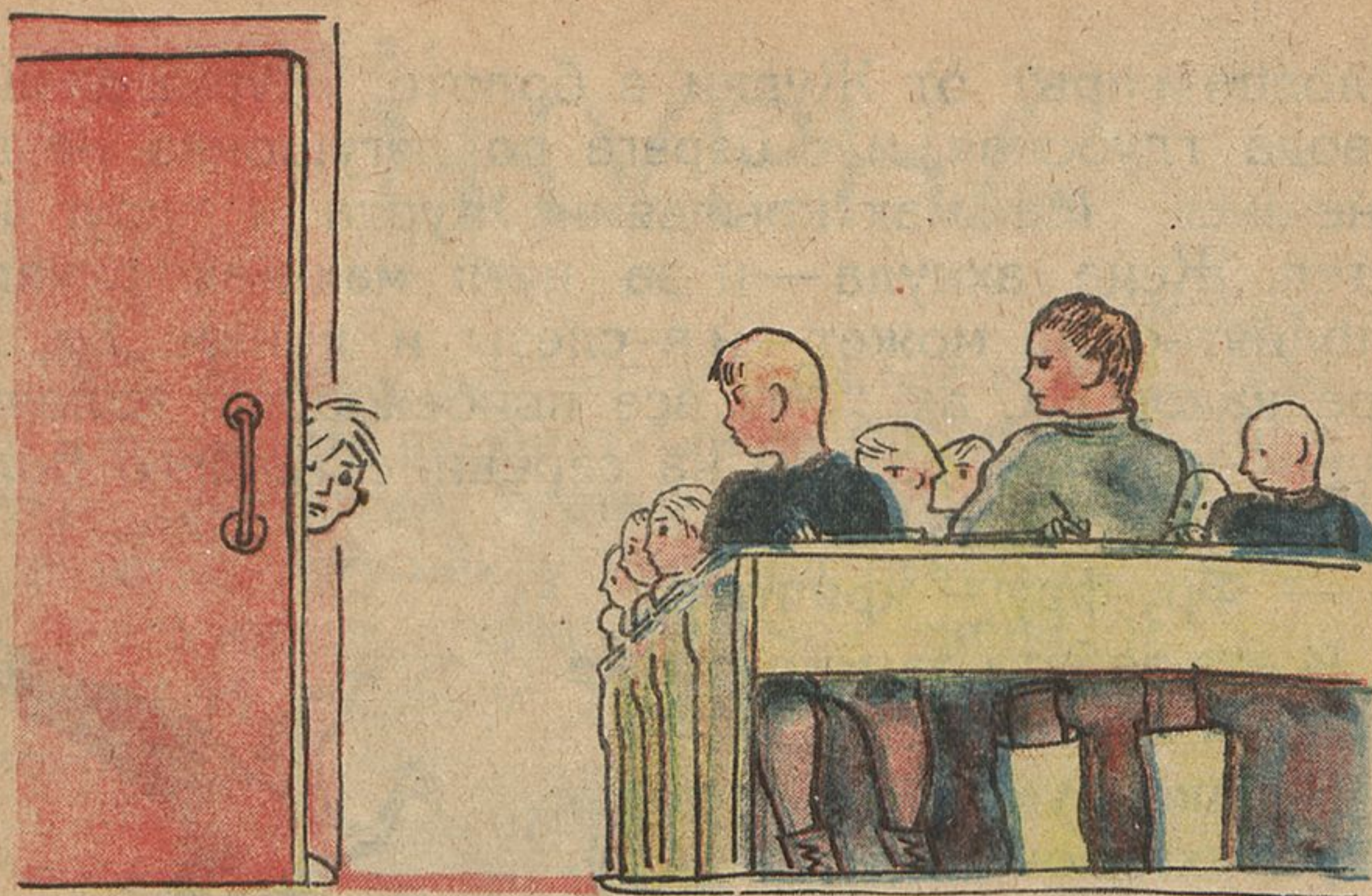
М. Пришвин

ЗАГАДКИ

1. Сила не сила,
а грязь убила.

2. На стол ляжет, про
весь свет расскажет.

М. Андриевская

З А Д А Ч А

Мы решали задачу:

«Рабочие строили дачу;
первый этаж из кирпича...»

— Вера Никифоровна, стучат!

— Толя Петров опоздал на урок.

— Торопись, Петров,

доставай перо,

скорей открывай тетрадку

и записывай по порядку.

Мы решали задачу:

«Рабочие строили дачу;
первый этаж из кирпича...»

— Вера Никифоровна, стучат!

— Шура Бобров опоздал на урок.

— Торопись, Бобров,

доставай перо,

скорей открывай тетрадку

и записывай по порядку.

Мы решали задачу:

«Рабочие строили дачу;
первый этаж из кирпича...»

— Вера Никифоровна, стучат!

— Коля Орлов, опоздал на урок.

— Торопись, Орлов,

доставай перо,

скорей доставай тетрадку

и записывай по порядку.

Мы решали задачу:

«Рабочие строили дачу;
первый этаж из кирпича...»

— Вера Никифоровна, стучат!

— Когда же мы кончим задачу?

— Когда мы достроим дачу?

М. Ивсен

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

ЛЕНИНГРАД

МОСКВА

ТАШКЕНТ

ТИБЕТ

ИНДИЯ

БОМБЕЙ

ПОДВОЛЖЬЕ

БЕЛОРУССИЯ

У С С Р

КАМА

ВОЛГА

УРАЛ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

ЗООСЕР

СРЕДИ

ЗЕМНОЕ МОРЕ

КИТАЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ИНД

ИНДИЯ

А Ф Р И К А
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

ПО ЭТОЙ КАРТЕ ТЫ УЗНАЕШЬ
ГДЕ ЖИЛИ ПТИЦЫ ЛЕТОМ И
КУДА ОНИ УЛЕТАЮТ НА
ЗИМУ И
КАКИМИ ПУТЯМИ ПТИЦЫ
ПЕРЕЛЕТАЮТ?

КАК ЖИВУТ ПТИЦЫ ЗИМОЙ

КАК ЖУРАВЛЬ ЛЕТЕЛ В АФРИКУ?

„Курлы, курлы...“ раздалось высоко в небе. „Курлы!“ крикнул в ответ журавль, взмахнул крыльями и полетел вслед за стаей.

Летели, летели журавли и устали. К вечеру спустились и устроились на ночлег. Прозевали сторожевые журавли, не услышали, как лисица из-за кустов подкралась. Поднялся переполох. Взлетели журавли, да не все — один у лисицы в зубах остался.

Наш журавль от лисицы улетел. Зато на море ему плохо пришлось: поднялась буря, завыл ветер, захлестал холодный дождь. Сбило журавля ветром — упал он на воду. Понесло журавля по волнам. Носило, носило, а там и к берегу прибило. Встал журавль, расправил крылья, взмахнул ими... А лететь-то и не может: очень уж промок, ослаб и прозяб. Два дня бродил журавль по берегу Черного моря. И вдруг слышит — вверху кричат журавли. Он взмахнул крыльями и полетел за новой стаей.

Перелетели журавли Средиземное море. От острова к острову летели. Добрались до Северной Африки. Есть там город Каир.

Летели над ним журавли — спускаться начали. И тут внизу загромыхало: стрелять в журавлей стали. Трех убили, а остальные дальше полетели. Наш журавль дешево отделался: всего одно перо от крыла ему выбила пуля.

Наконец прилетели в самую глубь Африки. Птиц тут на болотах и реках собралось видимо-невидимо. И все — прилетные, с севера прилетели.

КТО КУДА ПОЛЕТЕЛ?

Аисты, журавли и ласточки полетели в Африку; в самую середину Африки, к бегемотам в гости забрались. Скворец тоже в Африку полетел, только не так далеко, — добрался до Египта, и хватит. Дикие гуси в Африку, в Индию улетели, а иные и в Персии остановились. Кукушка хоть и плохо летает, а как принялась от зимы улетать, так тоже до Африки добралась. Живет там в лесу, только не кукует. Молчит наша кукушка в Африке, в гостях словно немая стала.

Гнезд птицы на чужбине не выют птенцов не выводят.

Кто летит за десять тысяч километров, а кто и всего за тысячу. Грач далеко не летит. Ему зимой и на юге Украины хорошо, да и на Северном Кавказе не плохо. Тут и сытно, и не очень холодно, и ст дома близко. Он и улетать по осени не спешит: недалеко ему лететь. А весной из всех птиц первым прилетает: рукой ему подать с юга Украины до Москвы: дня три крыльями помахал, — и дома.

КТО У НАС ЗИМОЙ ОСТАЕТСЯ?

Кто прокормиться может: тетерева, рябчики, куропатки. По лесу стайки синиц летают, а среди синиц — дятел. Словно предводитель какой: куда он, туда и синицы. Дятел клювом кору на дереве долбит, а синицы по снегу прыгают, упавших личинок подбирают. Кормятся они возле дятла, вот и летают за ним. Возле человека воробьи, галки, вороны, голуби, а в деревне и желтые овсянки держатся. По перелескам и пустырям щеглы летают — на репейнике кормятся.

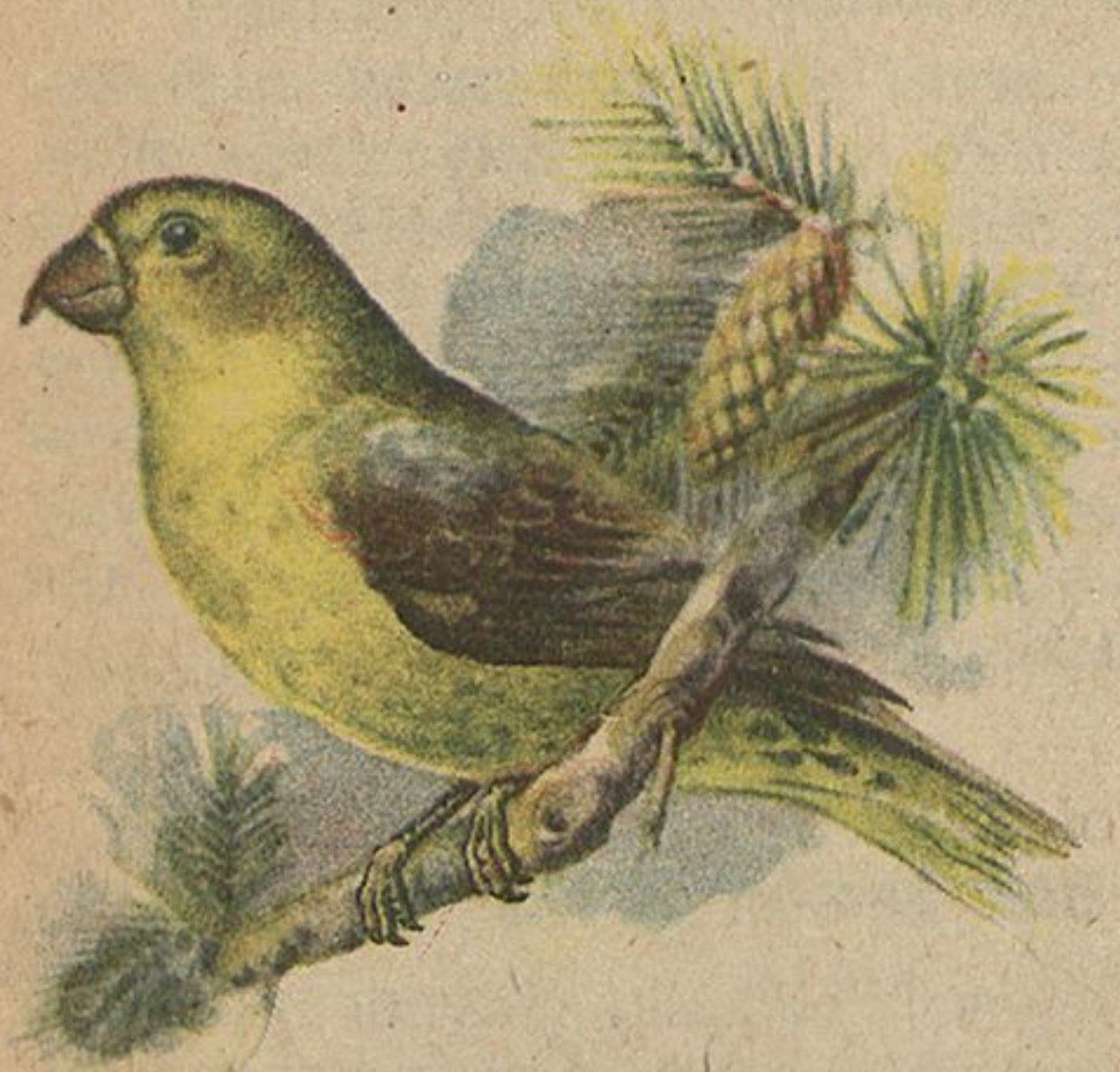

КТО К НАМ НА ЗИМУ ПРИЛЕТАЕТ?

По дорогам стайки подорожников летают; словно воробьи, в лошадином навозе роются. В лесу, на березовых ветвях, чечетки виснут, а на рябине красногрудые щуры сидят. Тихо в северных лесах, откуда прилетели к нам на зиму эти птицы. И такие спокойные эти щуры, что диву даешься. Подойдешь к нему, а он хоть бы что. Палкой с дерева сшибить можно. Но проживет у нас щур немного, и тогда уж близко не подпустит — улетит.

ДАЛЕКО ЛИ НУЖНО ОТЪЕХАТЬ ОТ МОСКВЫ, ЧТОБЫ НАЙТИ ГНЕЗДО ЗИМОЙ С ЯЙЦАМИ?

В Африку или Индию ехать не нужно. Конечно, не во всяком лесу найдешь, а постарайся, поищешь — увидишь. Ель; на верхушке — гнездо; в гнезде — яйца, а на

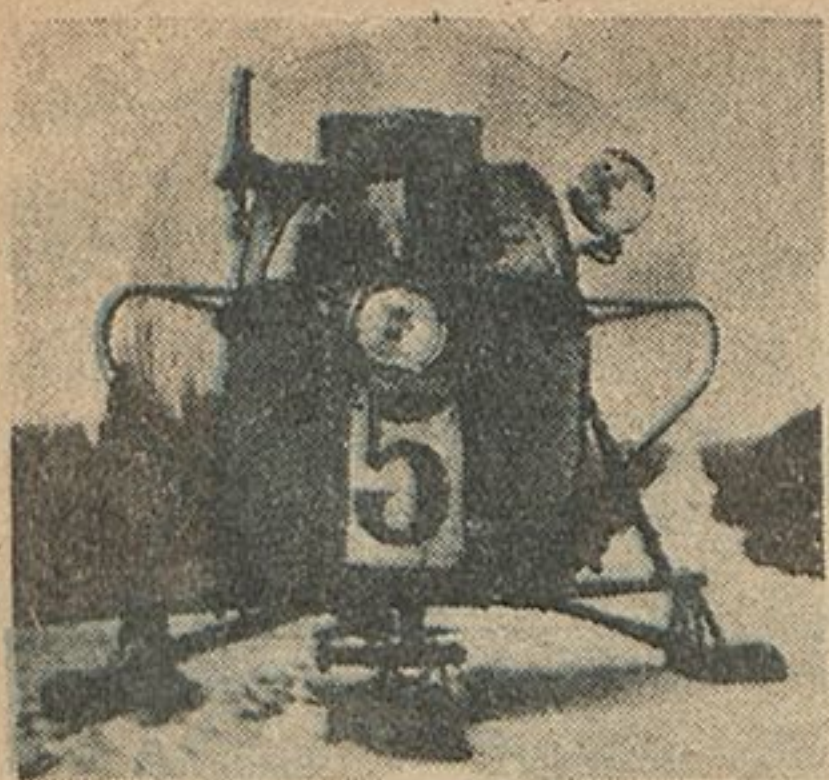

яйцах птица. Клюв у нее кривой, перекрещенный. Таким клювом хорошо лущить еловые шишки. Это — клест, бродяга. Так и бродят клесты всю свою жизнь из леса в лес. Попадут в лес, где шишек уж очень много, задержатся. Гнезда совьют, птенцов выведут. И зима им нипочем. Мороз, галки на лету мерзнут, деревья трещат, а у них — птенцы в гнезде сидят. Еловых семян много — птенцы сыты. Гнездо глубокое, с пухом, тепло в нем. А в мороз и мать собой прикроет. Тогда уж совсем хорошо.

МОЖНО ЛИ НА ПТИЦЕ МЕТКУ СДЕЛАТЬ?

Как узнать, куда какая птица улетает? Краской метку на птице сделать? Нельзя. Краску дождем смоеет. Вот и придумали. На ногу птице легонькое колечко надевают. На колечке — номер. Номер в книжку записывают. Попадется такая птица в руки человеку, по номерку можно узнать, где ее родина. Надели, например, кольцо журавлю на болоте возле Твери. А убили этого журавля осенью под Одессой. Значит — летел журавль из-под Твери на юг через Одессу. Метят кольцами обычно птенцов на гнезде, — это всего проще. Птичьи кольца много разных вещей про птиц рассказали: по каким дорогам птицы на юг летят, где зимуют, прилетают ли обратно в тот же лес, откуда улетели.

Н. Плавильщиков

ПО СНЕГУ

На ярком зимнем солнце, поднимая вихрь за собой, мчится по снежному полю странная машина, похожая на трехлапного паука.

Стучит мотор, в кабине сидит шофер — водитель, закутанный до глаз в меховую шубу. А колес на дутых резиновых шинах не видно.

Спереди широкая лыжа, сзади две поуже, а между ними, в металлической загородке, что-то вертится так быстро, что виден только блестящий круг.

Машина эта называется **АЭРОСАНИ**. Ей не нужны колеса. Вместо колес у аэросаней лыжи, а сзади вертится пропеллер. Потому и называли эти сани аэросани, что приводит их в действие пропеллер, как на аэропланах.

Аэросани — наше советское изобретение. Никакой стране не нужны они так, как нам. И наши аэросани — самые лучшие в мире.

Вы спросите: зачем они нам так нужны?

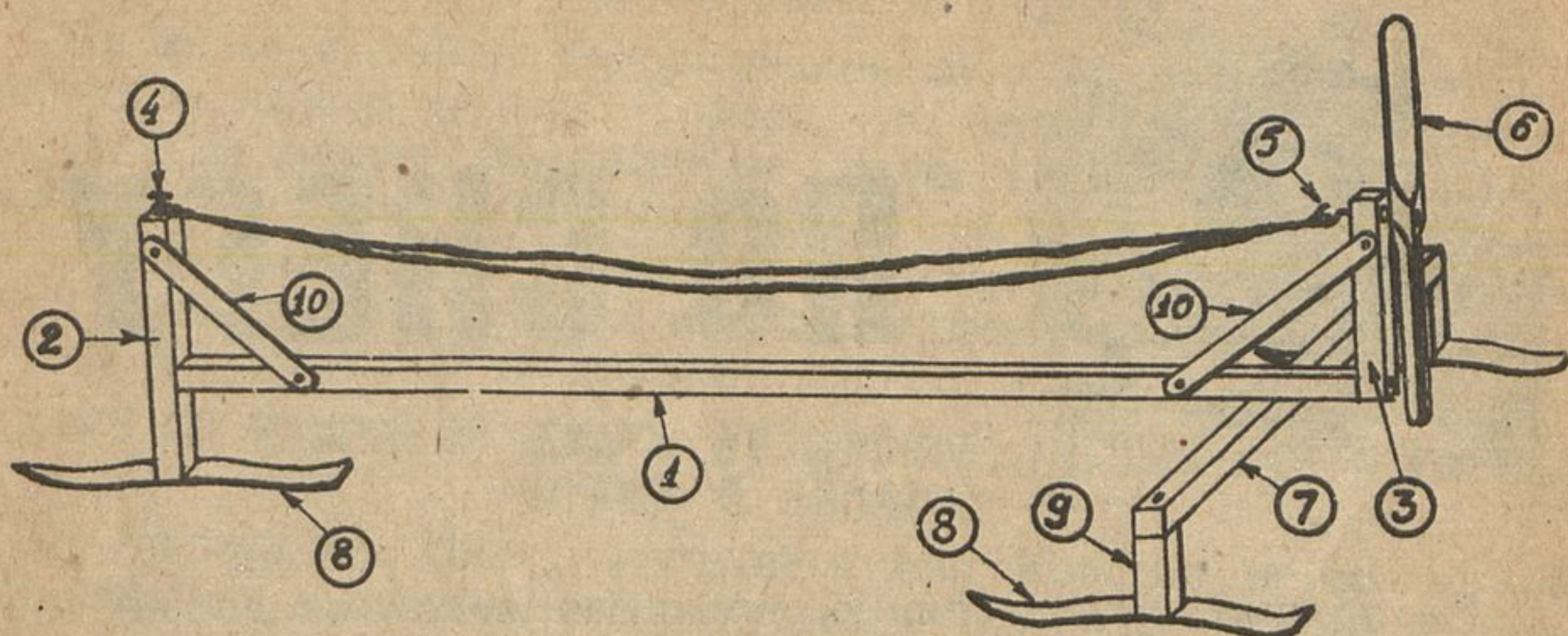
Да разве проедешь на тяжелом автомобиле по снегу, когда даже человек проваливается по пояс? Аэросаням снег нипочем. На широких полозьях лыж они не провалятся.

Как же двигаются аэросани?

Бензиновый мотор вращает пропеллер, пропеллер ввинчивается в воздух, как винт в дерево, и толкает аэросани вперед. Поэтому говорят часто не пропеллер, а винт. Ведь он ввинчивается.

Аэросани быстрые. Они мчатся больше ста километров в час.

На севере Союза, где нет железных дорог и зима очень длинная, где письма везут иногда неделями, аэросани доставляют их в несколько часов. Аэросани перевозят пассажиров, почту, охраняют наши границы.

Давайте, ребята, и мы с вами построим аэросани. Только не настоящие, а маленькие, — модель.

Материалов нам нужно немного: несколько планок, гвоздей, кусок проволоки, старая консервная банка, бусинка и несколько метров резины. Нужно достать специальную резину, которую ставят на модели самолетов. Попросите кусок в авиомodelьном кружке.

Инструменты: хороший перочинный нож, ножницы, шило и молоток. Еще обязательно нужна линейка, разделенная на сантиметры и миллиметры. Перед тем как начать мастерить, изучим, как устроена наша модель. Вот ее рисунок:

Номером 1 обозначена длинная планка — моторная рейка. С обеих сторон ее прибиты планки 2 и 3. Между этими планками натянут мотор из резины. С одной стороны резина надета на гвоздик 4, а с другой — на проволочный крючок 5.

Крючок проходит через отверстие в планке 3, и на конец его насажен пропеллер 6.

К моторной рейке, около планки 3, прибита поперечина 7. Поперечина прибита для укрепления задних лыж. Лыжи обозначены цифрой 8.

Передняя лыжа прибита снизу к планке 2, а задние — сначала к столбикам 9, а столбики к планке 7.

Чтобы резина не стягивала планок 2 и 3, они укреплены фанерными полосками 10. Прибиты эти полоски косо и называют их — подкосы.

Работают наши аэросани так. Пропеллер закручивается на 250—300 оборотов. С пропеллером скреплен крючок 5, который называется осью. Крючком закручивается резина. Когда пропеллер отпустите, резина раскручивается и быстро вертит его в обратную

сторону. Пропеллер ввинчивается в воздух, и аэросани едут. Вот и вся конструкция.

Теперь нужно заготовить материал. Я уже писал, какой материал нужен. Теперь можно точно указать размеры каждой части и из чего она сделана.

Моторная рейка (помните, она помечена номером 1) длиной в 50 см. Ширина ее немного больше 1 см. и толщина побольше сантиметра.

Планки 2, 3 и 7 и столбики 9—такой же ширины и толщины, но длина их разная: планка 2 длиной 12 см., планка 3 длиной 9 см., планка 7 длиной 28 см., столбики 9 длиной по 3 см.

Рейка, планки, столбики—сосновые. Хорошо бы было попросить столяра выстрогать вам все. Ему это легко, а с хорошими планками и аэросани получатся замечательные.

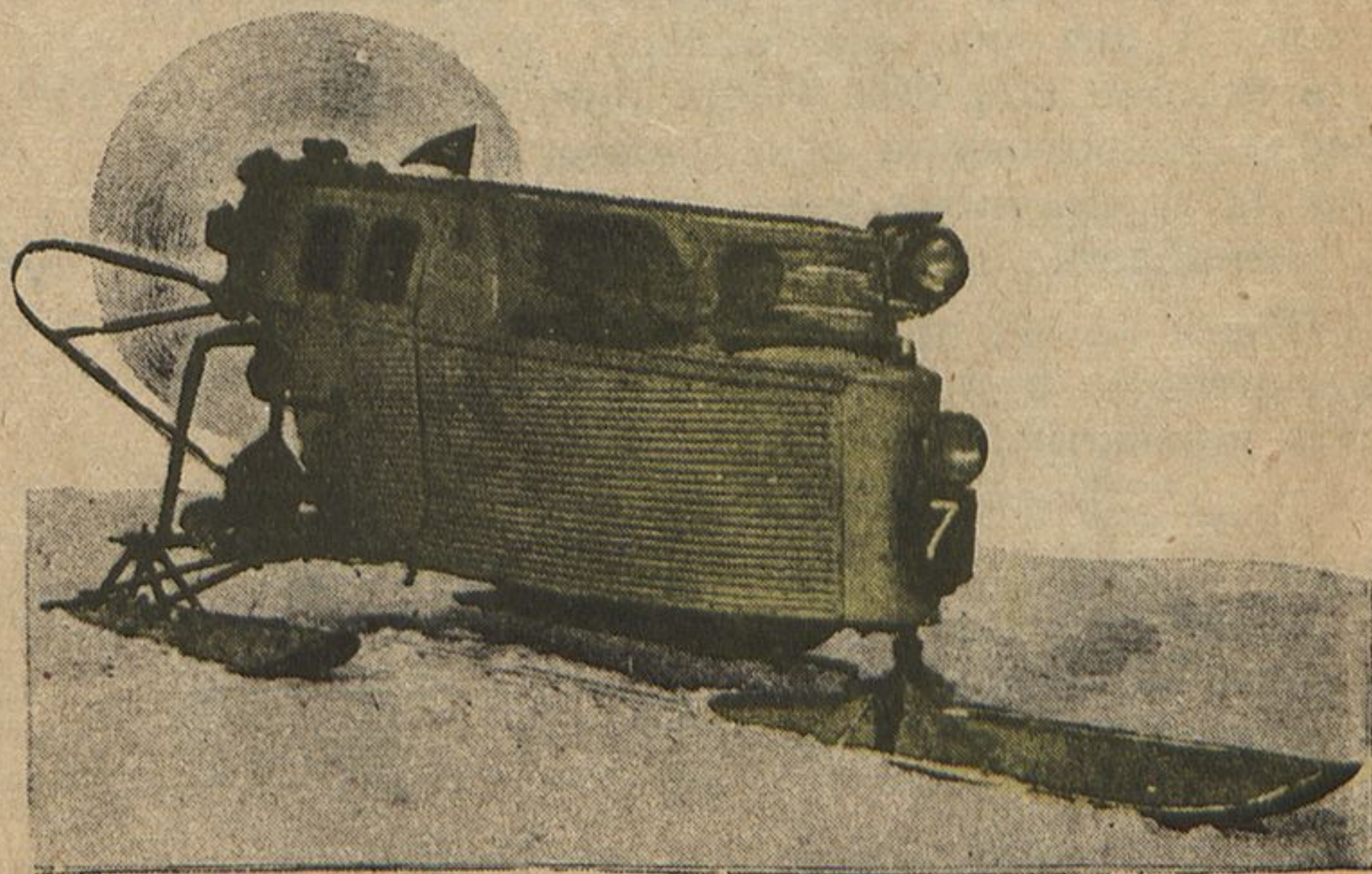
Подкосы 10 можно сделать просто из фанерки. Длина их 10 см., ширина 1 см.

Лыжи вырежьте из жести от консервной банки или из тоненькой дощечки по этому чертежу.

На чертеже сделан черточками квадратик. От конца лыжи до него 5 см. Это показано то место, которым нужно прибить лыжу к столбику. Прибивайте очень аккуратно. Головки гвоздей не должны выступать, а то будут тормозить.

Теперь добрались мы до самой сложной работы. Нужно сделать пропеллер.

Вырежьте деревянный брусок длиной 20 см., шириной 2 см. толщиной 1—1½ см. Лучше всего, если бы вам удалось раздобыть для брусков кусок липы. Липа очень мягкая, из нее легко вырезать.

Прежде всего заготовленный брусок нужно разметить. Отмерьте линейкой середину и проведите вокруг планки карандашом черточки.

Теперь постепенно вырезайте. Сначала срежьте дерево с одной стороны, потом—с другой: готова одна лопасть.

То же самое сделайте с другой стороны планки. Остается закруглить лопасти, проткнуть шилом отверстие для оси, и пропеллер готов.

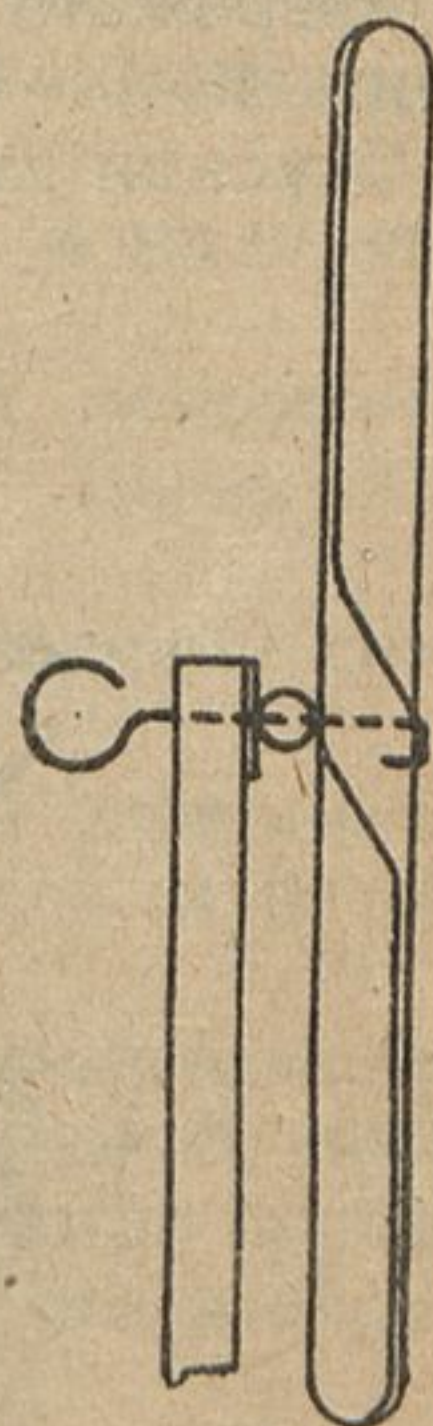
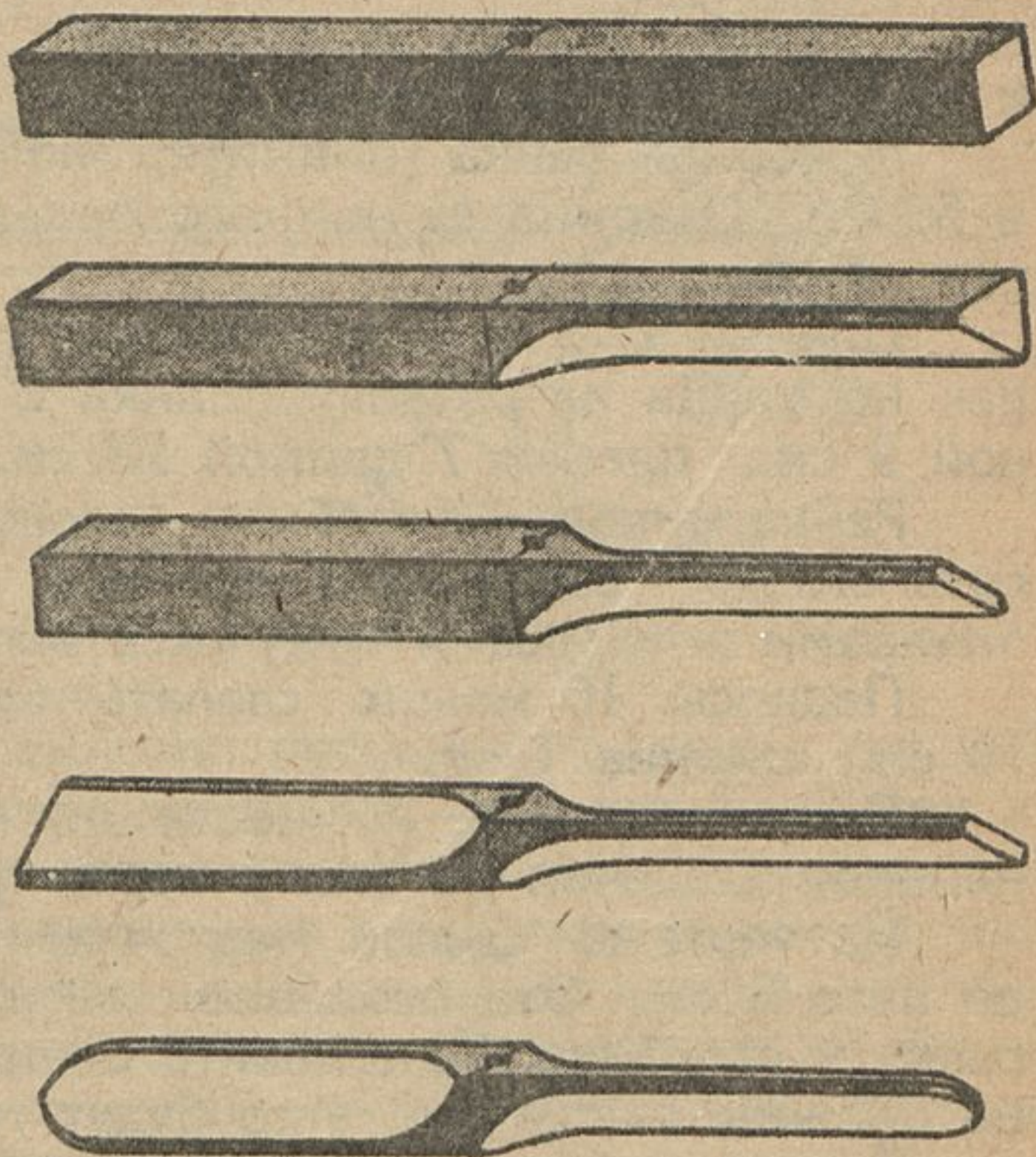
Еще надо сделать ось с крючком на конце, и можно браться за сборку аэросаней. Ось сделайте из проволоки длиной в 6 см. и толщиной с грифель карандаша. Можно взять проволочную скрепку для бумаги, разогнуть ее и выправить молотком. Хорошо ось выйдет из разогнутой английской булавки.

У нас все готово, давайте собирать.

По рисунку понятно, как сколачивать все части. Все части склотить самим нетрудно, а вот для того, чтобы сделать отверстие в планке 3 для оси пропеллера, лучше попросить помочь старших. Пусть они раскалят докрасна проволоку на огне и прожгут ею отверстие на 1 см. ниже верхнего края. Ось должна очень легко вращаться в планке.

Один конец проволочной оси нужно прочно укрепить в пропеллере, другой конец загнуть крючком для надевания резины.

Если мы ось с пропеллером просто проденем в отверстие, пропеллер будет задевать за планку и плохо вращаться. Между ним и планкой наденьте на ось бусинку и маленький кружок из жести.

Понятно, нужно сначала закрепить ось в пропеллере, затем надеть бусинку, жестяной кружок, продеть ось сквозь планку и лишь тогда загнуть крючок для резины.

Если достанете специальную тоненькую резину, нужно взять 5—18 ниток; если толстую (толщиной 2 мм.) — возьмите 6 или 7 ниток.

Отдельные куски резины, по 45 см. длиной, свяжите у концов толстой ниткой и наденьте на крючок пропеллера и гвоздик планке 2.

Лучше не просто связать ниткой концы, а подложить сначала веревочную петлю. Резина при скручивании очень сильно тянет. Если не подложить петлю, она может порваться. У нас нарисовано, как лучше всего сделать концы резиномотора.

Последнее, что нужно обязательно, — смазать резину глицерином или, еще лучше, касторкой. Резина очень легко рвется, а смазанная работает долго и хорошо.

Может быть, не нравится вам, что сани наши получились мешные, из одних палочек? А вы сделайте из картона кабину, раскрасьте, и тогда они выйдут совсем как настоящие.

Ура, все готово! Можно выезжать.

Закрутите пропеллером резину, ставьте аэросани на снег и... поехали.

А. Абрамов

Напишите, ребята, у кого из вас уже летает планер и что сделал аэросани?

**КТО ПРАВИЛЬНО РАЗГАДАЛ ФОТОЗАГАДКУ
НА ОБЛОЖКЕ 8-го НОМЕРА
„КАКОЙ УРОД ИЗ КОФЕЙНИКА ПЬЕТ?“**

- 1. Сережа Богданов.**
- 2. Мара Вольфсон.**
- 3. Сережа Топорков.**
- 4. Аня Пересыпкина.**
- 5. Женя Колчина.**
- 6. М. Солдатенко.**
- 7. Сережа Васильченко.**

Одна девочка — Лида Гусева — решила, что это пьет кролик. Но это совсем не кролик, а обезьяна.

Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответств. редактор Н. Венгров.

Оформление Веретинни

Москва, МГ № 4220. Сдана оригиналов 19/ХІ. Подп. к печ. 28/ХІІ. 2 печ. листа. Кол. экз. 68.640. Статформат

Госиздат № Б-34519. 2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва. Суцев. вал, 49. Зак. 1881. Т

Я прочел „Мурзилку“ очень хорошо. Сообщите, как готовятся к зиме зайчик, белочка и ежик. Ответ сообщите через „Мурзилку“

(К сожалению, письмо без подписи)

Отвечает наш писатель Н. Плавильщиков, он изучает жизнь зверей.

КАК ГОТОВЯТСЯ К ЗИМЕ ЗАЯЦ, ЕЖ И БЕЛКА

Заяц к зиме не готовится: только побелеет. У него нет ни гнезда, ни норки. Спит он в снегу, просто под кустом. Запасов на зиму не делает: разыщет под снегом траву, погложет кору молодой осинки — вот и сыт.

Еж к зиме готовит логово. Найдёт ямку или под корягу заберётся — это его зимнее жильё. Натаскает туда сухих листьев — подстилка готова. Уляжется и заснёт на всю зиму.

Белка ещё с осени грибы сушить начинает. Найдёт гриб, сорвет его, наденет на сучок — гриб и сохнет. Собирает орехи и жолуди и прячет их или в своём гнезде или под мхом. В разные места напярчет орехов, а зимой и позабудет, куда спрятала. Хорошо, если из пяти складов один найдёт. Гнездо беличье либо в дупле, либо на дереве сделано — большое, на шар похоже. В гнезде тепло, и в большой мороз белка из него и носа не покажет. Свернется клубочком, прикроется пушистым хвостом и спит. А потеплеет — вылезет и побежит еловые шишки искать.

